

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «РАЗГОВОРАМ» АХМАТОВОЙ

РОМАН ТИМЕНЧИК
(Иерусалим, Еврейский университет)

Нет никаких сомнений, что будущее академическое собрание сочинений Анны Ахматовой в качестве отдельного тома будет содержать разговоры с ней, записанные различными эккерманами — П. Лукницким, Л. Чуковской, Э. Герштейн, Г. Глэкиным, А. Любимовой, М. Бudyко, А. Найманом и другими. Подобно тому, как исподволь подготавливается предварительный подробный (иногда с избытком) комментарий к ее стихотворным и прозаическим текстам, есть смысл начать подготовку пространного комментария к «устной Ахматовой», который ныне мы и открываем заметкой, учитывающей интересы сегодняшнего юбиляра.

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт, в отличие от Державина, Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Тютчева, К. Павловой, Некрасова, Апухтина, Блока в записных книжках Ахматовой не назван. Из разговоров о нем назовем прежде всего ее инструктаж юному Эдуарду Бабаеву в Ташкенте, когда тот составлял антологию шедевров русской поэзии:

Однажды я пришел к Анне Андреевне с томиком Фета в руках. Она взяла книгу, стала перелистывать ее, попутно отмечая то, что ей казалось особенно важным. Но ее пометки были, как мне показалось, связаны с ее новыми стихами. Тогда только что было написано стихотворение «А я уже стою на подступах к чему-то...»:

А я уже стою на подступах к чему-то,
 Что достается всем, но разной ценой...
 На этом корабле есть для меня каюта
 И ветер в парусах — и страшная минута
 Прощания с моей родной страной¹.

Она настойчиво искала в книге Фета какое-то стихотворение и, наконец, нашла «На корабле» и отметила его карандашом в моей книге.

«Трилистник» Фета сложился, таким образом, по карандашным пометкам Анны Ахматовой:

I.

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
 Я при свечах навела;
 В два ряда свет — и таинственным трепетом
 Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
 Там, за спиной, нет огня...
 Тяжкое что-то над шеею белою
 Плавает, давит меня!

Ну как устави́т гробами дубовыми
 Весь этот ряд между свеч!
 Ну как лохматый с глазами свинцовыми
 Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
 Дух захватило в груди...
 Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
 Чур меня — сгинь, пропади!

¹ Ср. также гумилевское:

... я уже стою в саду иной земли,
 Среди кровавых роз и влажных лилий,
 И повествует мне гекзаметром Виргилий
 О высшей радости земли.

II. Alter ego

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья, —
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали, на могиле твоей,
Здесь, на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой².

² Эта строфа как будто отразилась в стихотворениях 1945–1946 гг.:

Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет,

— неся фетовскую тему разминовения не в пространстве только, что делало бы эти строки сентиментальным штампом, но и во времени.
Ср. также:

Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.

В первом варианте финал был еще более «фетовским»:

«Стихотворение “Черную и прочную разлуку” <...> кончалось строками:

Но весеннею луною порою
Через звезды мне прислал привет

Николай Иванович <Харджиев> нашел, что весна, луна, звезды — все вместе слишком сладко; А. А. с ним вполне согласилась <...>. Мне жалко. Эти повторяющиеся длинные н: “лунною, весеннею”», кажется мне, придавали стиху какую-то таинственность» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: 1954–1962. М., 1997. Т. 2. С. 286).

У любви есть слова, те слова не умрут.
 Нас с тобой ожидает особенный суд;
 Он сумеет нас сразу в толпе различить,
 И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

III.

Летим! Туманною чертою
 Земля от глаз моих бежит.
 Под непривычную стопую
 Вскипая белою грядую,
 Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла;
 Напрасно моря даль светла,
 Душа в тот круг уже вступила,
 Когда невидимая сила
 Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заране
 Тот день, когда без корабля
 Помчусь в воздушном океане
 И будет исчезать в тумане
 За мной родимая земля³.

«Анна Андреевна прочла, как она сказала, «дивное фонетическое начало» стихотворения «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...». Дважды читала, глазами и вслух, «Моего тот безумства желал...», заметив, что слово «завой» удивительно сливается с «воющей» интонацией всего стихотворения⁴. Очень нравились

³ Бабаев Э. Воспоминания. СПб., 2000. С. 22–24.

⁴ Моего тот безумства желал, кто смежал
 Этой розы завой, и блески, и росы;
 Моего тот безумства желал, кто свивал
 Эти тяжким узлом набежавшие косы....

ей стихи «с киевским лукавством» про «чернобровую вдову» — «Чуть вечернюю порою осыпается трава...»⁵. На память читала

«Анна Андреевна у Фета выбрала для себя: “моего тот безумства желал, кто смежал этой розы завой...”» (Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1989. С. 230). К вопросу о фоносемантике морфемы: Иннокентий Анненский говорил о сельце, которым навеяно его стихотворение «Старая усадьба»: «— А разве неправда, что даже от самого названия «Подвойское» уже веет что-то жуткое». Обрывок фетовской строки предполагался как эпитафия («Этой розы завой») при ахматовском цикле «Луна в зените».

⁵ Ср.: «У Фета <О. Мандельштам> любил множество стихов, а среди них “Змею”, где “чешет косу, моет шею чернобровая вдова”» (Мандельштам Н. Воспоминания. С. 230):

Чуть вечернею росой
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенной крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

Ср. колдунью «из логова змиева, из города Киева» в стихах Гумилева и поздний ахматовский набросок:

О, как меня любили ваши деды,
Улыбчиво, и томно, и светло.

“Alter ego” и другое стихотворение с «толстовским» психологическим содержанием: «Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь...»⁶.

Говоря о выборе стихов из Фета, Н. Я. Мандельштам там же замечает о Мандельштаме и Ахматовой: «Они обменивались любимыми стихами, дарили их друг другу...». Возможно, стихи Фета предоставляли повод как для разногласий, так и для смены оценок. Михаил Ардов рассказывает:

Помнится, я впервые прочел:

А еще над нами волен
Лермонтов, мучитель наш,
И всегда одышкой болен
Фета жирный карандаш.

И я тут же спросил у Ахматовой, почему Осип Эмильевич так нехорошо пишет о Фете. На это она с улыбкой отвечала:

— Просто в ту минуту ему так показалось⁷.

Прощали мне и дольники и бреды
И киевское помело...
Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
Как войдешь, — хоть молча не вздохнуть.
Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;
Больно мне видать, как ты умеешь
Не видать и не слышать меня.
Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На заре без туч нельзя такую
Молодой и лучезарной быть!

⁶ Ардов М. В. Улыбка и мурлыканье (заметки читателя). М., 2007. С. 43.

⁷ Ардов М. В. Улыбка и мурлыканье (заметки читателя). М., 2007. С. 43.

О другом высказывании Мандельштама свидетельствовал В. Шкловский в 1957 г.: «А однажды позвонил и говорит: я сейчас перечитал Фета. Это великий поэт, больше Тютчева»⁸.

Не только указания на заимствование отдельных образов («И санок маленьких такой неверный бег под звоны древние далеких колоколен» из стихотворения «Он длится без конца...» и фетовское «И саней далеких одинокий бег»⁹), но и общее соположение поэтик Фета и Ахматовой возникало в ранней критике: «... более полно выразить ощущение минуты едва ли кто из наших поэтов был в состоянии. Даже прославленный в этом отношении Фет во многом ей уступает»¹⁰.

Об этой черте Фета Ахматова говорила в июле 1953 г.: «Он восхитительный импрессионист. Мне неизвестно, знал ли он, видел ли он Моне, Писсаро, Ренуара, но сам работал только так. Его

⁸ *Поварцов С.* Сюжет о Шкловском // Вопросы литературы. 2001. № 5. С. 57. Это свидетельство не учтено в статье В. В. Калмыковой о Фете в профильном издании: Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 489–493.

⁹ *Никольский Ю.* Фет // Руль. Берлин. 1921. 8 сент.

¹⁰ *Выгодский Д.* О новых стихах // Новая жизнь. 1917. 24 дек. (13 янв.).

стихи надо приводить в качестве образца на лекциях об импрессионизме»¹¹. При этом такого «коленипреклоненного» отношения, как к Тютчеву¹², не было. «Н. С. Фета не любил. АА всегда говорила ему: “Почитай Фета, почитай Фета”, — не потому, что очень любила, а потому что считала, что Фета, вообще говоря, неудобно не читать. Н. С. брал книгу, но кроме строчки “Волшебной какой-то сук” не находил ничего хорошего»¹³. Ср. разговор 1955 г. о Фете, Полонском, Случевском: «Да, у всех них были дивные стихи — избранные, немногие, но самого первого класса. Кажется, только у Мея нельзя разыскать ни единой строчки»¹⁴.

¹¹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: 1954–1962. М., 1997. Т. 2. С. 71; ср.: «Пейзаж Фета тяготеет к импрессионизму. Импрессионист не чуждается внешнего мира, он зорко вглядывается в него, но показывает его таким, каким он предстал мгновенному восприятию художника, таким, каким кажется ему в данный момент. Импрессиониста интересует не столько предмет, сколько впечатление, произведенное предметом. Фет так и говорит: “Для художника впечатление, вызвавшее произведение, дороже самой вещи, вызвавшей это впечатление”» (*Фет А. А. Полное собрание стихотворений / Вст. ст., подгот. текста и прим. Б. Я. Бухштаба. Л., 1959. С. 57*); это издание было подарено составителем «Анне Андреевне Ахматовой с глубоким уважением и сердечной преданностью 19 января 1960» (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме; на книге есть карандашные пометы Ахматовой).

¹² Глэкин Г. В. Что мне дано было...: об А. Ахматовой: из писем, дневниковых записей, воспоминаний о ней. М., 2015. С. 54.

¹³ Лукницкий П. Н. *Asutiana*. Встречи с Анной Ахматовой: 1924–1925. Париж, 1991. Т. I. С. 188; имеется в виду, видимо, стих «на суку извилистом и чудном» из «Фантазии»; ср. в дневнике Блока 22 октября 1920: «Гумилев и Горький. Их сходства: волевое, ненависть к Фету и Полонскому — по-разному, разумеется» (*Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 371*).

¹⁴ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: 1954–1962. М., 1997. Т. 2. С. 161; здесь, по-видимому, воспоминания о составлявшейся Мандельштамом антологии, с ошибкой памяти — у Льва Мея Мандельштам нашел

«Фетовский слой», по определению, трудно вычленим в стихах другого поэта — «Окутанные легкими облаками, поэтические образы Фета встают перед глазами в неясных, расплывающихся очертаниях. Нигде он не потрясет вашего воображения, нигде не ударит по струнам вашего сердца, как Пушкин, как Лермонтов»¹⁵. Но некоторые провоцирующие ритмико-фразовые уподобления («Одной надеждой меньше стало, одною песней больше будет» и «Одной улыбкой нежной боле, одной звездой любви светлей»¹⁶) и воля некоего читательского плебисцита¹⁷ заставляют до-

«Помпеянку» («Плясунья»), а не нашел ничего у Аполлона Майкова (*Мандельштам Н. Воспоминания*, с. 230). Оценка Ахматовой корректирует давнюю гумилевскую: «Новое поколение поэтов, Толстой, Майков, Полонский, Фет, не обладало ни гением своих предшественников, ни шириной их поэтического кругозора. Современная им западная поэзия не оказала на них сколько-нибудь заметного влияния, ясность пушкинского стиха у них стала гладкостью, лермонтовский жар души — простой теплотой чувства» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии*. М., 1990. С. 280).

¹⁵ *Волынский А.* «Книга великого гнева». Критические статьи. — Заметки. — Poleмика. СПб., 1904. С. 418.

¹⁶ Ср. наблюдение об отражении этих фетовских строк у Блока: «Ну что ж, одной слезою боле»: *Никольский Ю.* Фет // Руль. Берлин. 1921. 8 сентября.

¹⁷ См., например: *Страховский Л.* Фет и Ахматова: Литературная заметка // *Новый журнал*. 1957. № 49. С. 261–264; *Анна Ахматова: Pro et contra*. СПб., 2001. Т. 2. С. 131–134; *Лотман А. М.* К вопросу об адаптации поэзии Фета художественным сознанием конца XIX – начала XX вв. // *Классическое наследие и современность*. Л., 1981. С. 191–193; *Крюков А. С.* Афанасий Фет и Анна Ахматова // *Эйхенбаумовские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции*. Воронеж. 1998. С. 31–32. *Козубовская Г. П.* Анна Ахматова и Афанасий Фет: текстологические заметки // *Культура и текст*. 2017. № 4 (31). С. 105–126; *Петрова Г. В.* Цикл Ахматовой «Смерть»: проблемы генезиса // *Филологические науки*. 2010. № 4. С. 3–14.

искиваться до этого слоя. Во всяком случае, Фет, цитаты из которого пронизывали быт Ахматовой, то пародийные¹⁸, то патетические, как «Если стопам попирать довелось устало то, что когда-то так много блаженства скрывало» в разрушенной усадьбе на Рогачевском шоссе¹⁹ был, по-видимому, «перечитан» Ахматовой сквозь критические фильтры Недоброво²⁰. Например: «Звезды Фет любил потому, что за них хваталась его душа, сносимая потоком времени. Вот как это происходило:

¹⁸ «Когда прощались, она иногда, вместо обычных пожеланий и напутствий, проговаривала из Фета: “И лобзания, и слезы, и заря-заря”. Однажды я ответил на это что-то вроде, что “не знаю сам, что буду петь, — но только песня зреет”, и она сказала, что ее любимое фетовское стихотворение “Alter ego”, и продекламировала:

Как лилея гладится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей»

(Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1999. С. 51).

¹⁹ Конишина Т. Воспоминания об А. А. Ахматовой // Звезда. 1979. № 6. С. 168; из стих. «Руку бы снова твою мне хотелось пожать!».

²⁰ По поводу пятистопного анапеста стихотворения «Небывалая осень построила купол высокий...» было напомянуто свидетельство В. Пяста о влиятельности в Петербурге 1910-х годов стихотворения Фета, написанного тем же редким размером (*Баевский В. С. Б. Пастернак и Анна Ахматова. Анапест четырехстопный и анапест пятистопный*) // *Forschungen zur Linguistik und Poetik: Zum Andenken an Grigorij O. Vinokur (1896–1947)*. Frankfurt/M., 1997. S. 64):

Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Всё сорвать хочет ветер, всё смыть хочет ливень ручьями.

Заметим, что это стихотворение часто декламировалось публично именно Николаем Недоброво, что стало поводом для эпитаграммы Мандельштама: «Сюда пришел Недоброво — несдобровать мохнатым соснам» (*Русская эпитаграмма (XVIII – начало XX века)* / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан. Л., 1988. С. 509, 665).

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов *задушевный*,
Сверкают звезд золотые ресницы.
И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И еще, в стихотворении, где Фет идет по шаткой пене моря, —
“Alter Ego”:

Та трава, что вдали, на могиле твоей,
Здесь, на сердце, чем старше *<sic!>* оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой»²¹.

²¹ Недоброво Н. Времеборец (Фет) // Вестник Европы. 1910. № 4. С. 241–242; Недоброво Н. Милый голос. Избранные произведения / Сост., примеч. и послесловие М. Кралина. Томск, 2001. С. 205–206; оттиск этой статьи Ахматова хранила и подарила А. Г. Найману: *Найман А. Указ. соч.* С. 51.